

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИНСТИТУТЫ, ПРОЦЕССЫ И ТЕХНОЛОГИИ

РОЛЬ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И МЕЖСЕКТОРНОГО ПАРТНЕРСТВА В РЕАЛИЗАЦИИ ПОТЕНЦИАЛА СОЦИАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА В РОССИИ

Никовская Лариса Игоревна, доктор социологических наук, профессор
Институт социологии РАН
Российская Федерация, 116218, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, стр. 5
E-mail: nikovsky@inbox.ru

Молокова Маргарита Александровна, доктор политических наук, профессор
Юго-Западный государственный университет
Российская Федерация, 305040, г. Курск, ул. 50 лет Октября, 94
E-mail: peggy2007@yandex.ru

Показано, что в формировании приоритетов социального государства ведущей проблемой является выстраивание на принципиально иной основе отношений между государством и гражданскими ассоциациями посредством укрепления институтов межсекторного социального партнерства, государственного управления на основе публичных ценностей и интересов, позволяющих формировать такую стратегию общественного развития, в которой начала гражданской самоорганизации дополнялись системными усилиями государства и взаимно усиливали друг друга. Благодаря этому механизму формируется цивилизованная практика развития публичных и социальных отношений, основанных на солидарности и ответственности субъектов социального публичного управления.

Ключевые слова: общественный интерес, общественное благо, публичная ценность, межсекторное партнерство, гражданское общество, социальное государство, социальная политика

THE RROLE OF CIVIL SOCIETY AND CROSS-SECTORAL PARTNERSHIPS TO REALIZE THE POTENTIAL OF SOCIAL STATE IN RUSSIA

Nikovskaya Larisa I., D.Sc. (Sociology), Professor
Institute of Sociology RAS
build. 5, 24/35, Krzhizhanovskogo Str., Moscow, 116218, Russian Federation
E-mail: nikovsky@inbox.ru

Molokova Margarita A., D.Sc. (Politicity), Professor
Southwestern State University
94, 50 let Oktyabrya Str., Kursk, 305040, Russian Federation
E-mail: peggy2007@yandex.ru

This paper shows that, in prioritizing of the welfare state leading challenge is to build on a fundamentally different basis of relationship between the state and civil associations through the strengthening of institutions cross-sectoral social partnership, public management based on public values and interests, allows you to create a strategy for social development in which the beginning of the civil self-organization was supplemented by systematic efforts of the state and reinforce each other. Through this mechanism, formed civilized practice of public and social relations based on solidarity and responsibility of the subjects of public administration.

Keywords: public interest, public good, public value, cross-sector partnership, civil society, welfare state, social policy

Социальное государство – это достаточно высокий уровень развития государственности, при котором главное его назначение состоит в служении интересам общества. Это предполагает не только ярко выраженную социальную направленность политики государства, что проявляется в разработке разнообразных социальных про-

грамм и приоритетности их реализации, не только наличие у государства таких целей, как установление всеобщего блага, утверждение в обществе принципов социальной справедливости, но и существование развитого гражданского общества, в руках которого государство выступает инструментом проведения социально ориентированной политики и реализации принципов «демократии участия».

Как показали острые дискуссии на Московском экономическом форуме (2017 г.), сегодня многие страны проходят этап переосмысления модели глобализации и поиска новых параметров развития мировой экономической системы (Дж.К. Гэлбрейт, Гж. Колодко, М. Риччери, Д. Котегава, Р. Гринберг, А. Некипелов, Б. Титов и др.), связанные с «*великой корректировкой*», чтобы уяснить появление новых процессов в глобальной экономике, справедливо считая, что на основах неоллиберализма и популизма экономика работать не будет... Этические, социальные ценности выходят на первый план во многих государствах [1]. Вывод о том, что парадигма развития, в основе которой лежит погоня за прибылью, полностью исчерпала себя и не может больше быть движущей силой прогресса, был сделан еще в июне 1992 г. на Международной конференции ООН. Была принята Декларация «Повестка на XXI век» [2], которую подписали главы государств и правительств 147 стран мира, в том числе и всех развитых стран. Этот же вывод был подтвержден в «Декларации тысячелетия», принятой на «Саммите тысячелетия» ООН в сентябре 2000 г. Там было много хороших слов о человеческом достоинстве, справедливости и равенстве. С тех пор прошло много времени, но мало что изменилось.

По оценке ряда отечественных экономистов, нынешняя экономическая система России – это продукт мутации позднего капитализма, так как в ней многие отношения деформированы вследствие возрождения отношений позднего Средневековья: результатом радикальной ломки советской экономики закономерно стал не зрелый социальный капитализм, а бюрократически-феодалная мутация капитализма. Вследствие этого государственное регулирование у нас носит по преимуществу характер отношений вассальной зависимости и реализуется через «ручное управление», бизнес строится «по понятиям», верховная бюрократия сращена с крупным капиталом и именно этот союз контролирует основные каналы собственности, распределения общественного богатства и управления. Политико-экономическая власть, по мнению ученых, по-прежнему принадлежит олигархически-бюрократической номенклатуре [3, с. 3].

Очевидно, что нынешняя кризисная реальность социально-экономической системы вылилась в стагнацию российской экономики, что не могло не привести к увеличению массовой бедности: более 20 млн россиян живут менее чем на 10 тыс. руб. в месяц. По мнению исследователей, массовая бедность была предопределена самой моделью перехода к рыночной экономике. Реальная жизнь внесла только одну, но роковую поправку – переход к рынку неоправданно затянулся. В 1990-е гг. промышленное производство и ВВП в России сократились в два раза. Для рынка труда это означало высокие риски массовой безработицы, чего государство категорически не могло допустить, поскольку мог последовать социальный взрыв. *Но российский рынок труда выбрал не модель массовой безработицы, а модель сокращения зарплат и рабочего времени.* Так удалось избежать роста безработицы. Но вот уже на протяжении 25 лет мы являемся заложниками установившейся модели, когда даже в кризисные периоды ситуация с занятостью остаётся более менее благополучной, безработица составляет фоновые 4–5 %, а зарплаты и доходы населения катастрофически падают. По такому же сценарию разворачивались события последнего экономического кризиса. В 2015 г. на ухудшение экономической ситуации рынок труда ответил падением зарплат на 9,5 % при сохранении высокой занятости. Это очень много. В 2016 г. рост зарплат стал восстанавливаться, но незначительно, почти в пределах статистической погрешности. Можно сказать, что наблюдаются лишь слабые попытки восстановления прежнего уровня заработной платы, но не её рост. Модель сокращения реальных заработных плат породила огромную проблему – снижение всех других доходов населения и, как следствие, рост бедности. Для сведения: в мире су-

ществуют разные подходы к определению бедности. Доля населения с доходом ниже национальной черты бедности, в нашем случае – ниже прожиточного минимума, называется *абсолютным измерением бедности*. В Западной Европе по-другому оценивают бедность, следуя так называемому *относительному подходу*: там бедными называют тех, чей доход более чем в два раза ниже медианного дохода, т.е. заработка среднестатистического гражданина. В свою очередь, в Великобритании применяется третий подход – *депривационный*, или «*измерение лишений*», когда люди не могут позволить себе те или иные продукты питания, одежду, у них нет доступа к образованию и медицине. И если таких лишений набирается много, то эти люди признаются бедными. Если применять все эти измерители к одной стране, то мы получим совершенно разную картину бедности. Обычно *минимальный уровень бедности* получается при абсолютном подходе, какой и применяется в России, а если считать бедными тех, кто имеет много ограничений в потреблении, то мы получим не 13 %, а 30 % бедного населения. Медианные доходы российской статистикой также не измеряются, в этом случае бедность составляла бы 20–25 %. Отметим, что существует еще и четвертый подход – «*субъективный*», который обычно показывает самый высокий уровень бедности. В этом случае в ходе социологических опросов респондент сам оценивает свое материальное положение как неудовлетворительное. Субъективные оценки бедности в нашей стране иногда превышают 40 %.

Неолиберальная модель развития, ставящая на первый план экономику и защиту интересов корпоративного капитала и всего, что с ним связано в российской системе социально-экономических координат: приоритет рентных доходов, патрон-клиентелистские отношения, «ручное управление», массовая коррупция, «теневой» рынок и пр., решить, по определению, не может. Этот вектор развития должен быть серьезно скорректирован совместными усилиями гражданского общества, социально-ориентированными партиями, прежде всего, левоцентристского блока, и усилиями государства.

Полноценная социальная политика возможна лишь в том случае, когда государство совместно с заинтересованными субъектами гражданского общества вырабатывает стратегию и приоритеты социальной политики и организует их практическое воплощение *совместными усилиями*. Только опираясь на *межсекторное социальное партнерство*, государство в непростых условиях поиска ресурсов и стратегий выхода из кризиса сможет обеспечить в полном объеме конституционно закреплённые функции социального государства. Новым вектором социальной политики, имеющим фундаментальный характер, должен стать принцип межсекторного социального диалога и социального партнерства с неправительственными организациями, профсоюзами.

Повышение роли межсекторного социального партнерства, углубление формата общественно-государственного управления могут составить основу социально-ориентированной реформы всей системы общественного развития, что подразумевает:

- проведение системных социально-ориентированных экономических реформ, ограничивающих доминирование со стороны крупного корпоративного капитала, повышающих прозрачность их деятельности;
- повышение экономической роли различных институтов самоорганизации граждан (от «старых» и «новых» профсоюзов до новых движений в социальной области);
- развитие форм прямой демократии (в том числе с использованием механизмов сетевой публичной политики) и демократии *grass roots*;
- активное участие гражданских организаций, экспертного сообщества, институтов-посредников гражданского общества (общественных палат, уполномоченных по правам предпринимателей, человека и пр.), политических партий и движений, средств массовой информации в делиберации и принятии социально-значимых решений на основе широкого спектра диалоговых форм публичной политики;
- активное ограничение влияния крупного капитала и корпораций на политические процессы;

- делегирование многих вопросов, не затрагивающих общенациональные интересы и безопасность, на региональный и местный уровни и решение этих проблем на основе самоуправления граждан, а не самоуправления местных и региональных чиновничьих цепочек-кланов;
- реформа системы государственного управления в направлении усиления действия принципов «со-управления», этических норм и публичных ценностей (new values management).

Эти и многие другие хорошо известные в современном демократическом мире меры способны существенно повысить роль общества в выполнении тех социально-экономических задач, которые обычно отводятся исключительно государству. Переход от государственно-бюрократического к общественно-государственному регулированию социума, от бюрократического государства к социализированному государству (координирующему государству) как субъекту, осуществляющему свои функции в различных сферах общества, прежде всего, в экономике, включая функции собственника, есть важнейшее условие успешного преодоления «провалов государства» и реализации всех остальных задач по социально-ориентированному реформированию российского олигархически-бюрократического капитализма.

Как известно, 5 апреля 2010 г. Президент Российской Федерации подписал Федеральный закон №40-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций». В соответствии с принятым законом СО НКО признаются некоммерческие организации, созданные в предусмотренных настоящим Федеральным законом формах (за исключением государственных корпораций, государственных компаний, общественных объединений, являющихся политическими партиями) и осуществляющие деятельность, направленную на решение социальных проблем, развитие гражданского общества в Российской Федерации. Важным следствием этого решения стала разработка федеральной Программы поддержки СО НКО, средства на реализацию которой росли из года в год: 600 млн руб. в 2011 г., 630 млн – в 2013 г., 660 млн – в 2014 г. и 595 млн руб. в кризисном 2015 г. В 2015 г. средства после 10 % секвестирования решением Координационного совета пошли на субсидирование программ в 55 субъектах РФ. За весь период деятельности программы наблюдалась положительная динамика роста числа региональных программ поддержки СО НКО: начинали с семи регионов, а закончили на 75 региональных проектах. Это означает, что и региональная власть и местные СО НКО научились совместно выработать направления развития в сфере социальной политики, прислушиваясь к друг другу и расставляя приоритеты с учётом социально-экономического потенциала субъекта РФ и возможностей СО НКО. Данная Федеральная программа решала две важнейшие задачи. Во-первых, обеспечить формирование экономических предпосылок развития НКО, предусматривая не только рост прямого государственного финансирования их деятельности, но и формирование необходимых условий для ускоренного развития сектора. Это расширение возможностей привлечения НКО труда добровольцев, благотворительных пожертвований, обеспечение доступа НКО к государственному бюджетному финансированию социальных программ, которые ранее практически в полном объёме доставались бюджетным учреждениям. Вторая важнейшая задача – использование потенциала НКО в решении социальных проблем, который до сих пор недостаточно эффективно использовался. Некоммерческий сектор почувствовал позитивные сигналы со стороны государства и политической системы по улучшению своей нормативно-правовой базы и механизмов МСП. В частности, реализация Программы поддержки СО НКО, по мнению многих экспертов, стала определённым «рычагом для социального развития сектора», что выражалось в отборе и тиражировании успешных технологий деятельности НКО по всей стране.

Развитие практики деятельности СО НКО привело к появлению новых конструктивных механизмов межсекторного социального партнерства (далее МСП).

Содержательно их описание было намечено постановлением Правительства РФ от 23 августа 2011 г. № 713. Эти новые механизмы и инструменты МСП получили существенное финансовое материальное подкрепление из средств федерального бюджета, включая и региональные. Параллельно со всё увеличивающейся государственной поддержкой деятельности СО НКО возростала значимость оценки качества и эффективности инновационных механизмов работы СО НКО в регионах, в том числе результативности их проектов [4, с. 37–49].

В итоге наработанные за прошедшее пятилетие практики межсекторного партнерства позволили региональным администрациям выстроить взаимодействие с общественными палатами и общественно-консультативными советами при Министерствах социального блока для принятия и воплощения в жизнь ряда важных социально-политических решений, связанных с выбором приоритетов социального развития.

На федеральном уровне были приняты нормативно-правовые акты, которые предполагали дальнейшее развитие межсекторного партнерства, в первую очередь участие СО НКО в предоставлении социальных услуг (№ 442-ФЗ) и в решении важных социально-экономических проблем (№ 44-ФЗ). Была разработана дорожная карта «Поддержка доступа негосударственных организаций к предоставлению услуг в социальной сфере». 23 мая 2016 г. Правительство РФ утвердило программу бюджетного финансирования СО НКО на 2016–2020 гг., увеличив поддержку деятельности СО НКО. В 2016–2017 гг. должны быть внесены изменения в ряд законов, обеспечивающих доступ СО НКО к государственным и муниципальным закупкам (для СО НКО вводятся квоты в закупке работ и услуг), а в 2018–2020 гг. отдельным законом предполагается «запустить механизм государственного (муниципального) заказа на оказание услуг в социальной сфере». По сути, эта программа предусматривает комплекс мер постепенного перехода некоммерческих организаций от проектной деятельности к контрактной и поддержке тех НКО, которые готовы выйти на рынок социальных услуг на постоянной основе.

В целом деятельность СО НКО уже стала заметным явлением и фактором развития принципов социального государства: они во-многом способствовали снижению остроты социального неравенства, выдвигению на первый план проблем формирования, артикулирования отстаивания общественных интересов, общественных благ и формированию модели государственного управления, ориентирующегося на социальные (публичные ценности) ценности [5, с. 49–63]. В своей лекции по случаю вручения Нобелевской премии в области экономики в 2007 г. Эрик С. Маскин отметил: «Выбор общественных благ, максимизирующий чистую прибыль, зависит от предпочтений этих благ гражданами, и нет разумного объяснения того, откуда правительству заранее знать эти предпочтения» [6, с. 6]. Посыл Э.С. Маскина сводится к признанию включения институтов межсекторного взаимодействия в социально-экономическое производство, которые позволят правильно принять решения в отношении общественного блага и механизмов его реализации.

Общественное благо – это продукт, который потребляется коллективно всеми гражданами независимо от того, платят они за него или нет. Общественные блага не похожи на частные блага (доступные в потреблении и приносящие пользу только владельцу), практически невозможно организовать их продажу: индивиды с удовольствием пользуются общественными благами, но избегают за них платить (эффект безбилетника).

Современные теории государственного управления, которые включили в свой оборот учёт гражданского участия и гражданских инициатив при производстве и определении общественного блага, стали актуализировать аксиологические основания управленческих воздействий государства, которое отказывалось рассматривать гражданина только как получателя общественных услуг от государства, а последнее лишь как поставщика этих услуг.

Разгосударствление социальной сферы связано с созданием условий для негосударственных организаций в производстве социальных услуг. Примеры такого рода

услуг – это услуги здравоохранения и образования, науки и культуры, услуги спортивных клубов, обустройство и эксплуатация пляжей, парков, обслуживание автомобильных дорог, мостов, тоннелей, услуги в сфере ЖКХ и т.п. Расширение области *смешанного общественного блага*, помимо прочего определяется стратегическим направлением сокращения роли государства в производстве и финансировании социальных услуг. Перспективы использования рыночных механизмов и предпринимательской инициативы на уровне местных сообществ определяются ролью и участием благотворительных и иных негосударственных некоммерческих организаций. *И при этом государство стремится создать условия для расширения возможностей НКО в предоставлении социальных услуг гражданам.* Законодательно это закреплено в законе от 28 декабря 2013 г. № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации».

Всё более активно вводится понятие *ценности*, прежде всего *социальной (публичной) ценности*. Последнюю можно определить как значимость (полезность) товаров, услуг, мероприятий или иных явлений реальной действительности, устанавливаемой с позиции их соответствия потребностям общества в целом или отдельных сообществ, различных социальных групп. Вопрос ценности, согласно мнению известного специалиста в этой области М. Мура, состоит не в том, *кто* её определяет, а в том, *кем* она должна приниматься. Социальная ценность должна признаваться всеми гражданами вместе, а не индивидами [7, р. 26]. Но более того: «Публичная ценность – это нечто большее, чем общественные блага, общественный интерес или общественная польза» [8, р. 171–191]. Публичная ценность может включать *различные средства правовой защиты*, когда рыночные механизмы не могут защитить благосостояние граждан, в том числе такие институциональные установки, которые позволяют нормально существовать рыночной экономике, а также такие социальные принципы, как верховенство закона, механизмы для защиты прав собственности и прав потребителей. *Если рассматривать социальные блага как продукты и услуги, произведенные НКО, то в отличие от них публичная (социальная) ценность охватывает не только их, но и длительные воздействия на тех людей, которые пользуются этими социальными благами.*

Многие СО НКО разработали и применяли инновационные и довольно эффективные, а в ряде случаев и уникальные социальные технологии предоставления услуг различным группам населения. Представители ряда органов исполнительной власти федерального и регионального уровней, оценив положительный потенциал сотрудничества с конструктивными деловыми и гражданскими инициативами, стали переходить *от консультаций и обсуждений к взаимодействию с ними в решении сложных социальных проблем с делегированием ответственности общественным объединениям и НКО.* А гражданские организации стали не только расширять зоны своей деятельности, вовлекая серьезные добровольческие ресурсы, но и включаться в управленческую сферу (от анализа законопроектов, оценки реформенных предложений до разработки и участия в реализации партнерских проектов и программ). Базисом для такого развития стали два взаимосвязанных и дополняющих друг друга научно-практических направления – *межсекторное социальное партнерство и развитие институтов публичной политики.* Сложилась ситуация, когда можно было начать конструктивную трансформацию системы государственного правления, характеризовавшейся до этого доминантой федеральных органов исполнительной власти практически во всех сферах экономической и общественной жизни, к модели общественно-государственного управления, акцентирующую важность разработки, имплементации и закрепления новых институтов и механизмов межсекторного социального партнерства [9, с. 49–63]. Политика, нацеленная на развитие общественно-государственной кооперации в социальной сфере, может быть рассмотрена как кумулятивная стратегия развития нового качества публичной политики в социальной сфере с участием сообщества НКО. В социальной сфере происходит сейчас практическое «достраивание» государственного (муниципального) управления различными формами участия в нем получателей государственных услуг, референтных групп

ведомств, новых, в том числе, электронных форм «обратной связи», общественного контроля и различных консультационных механизмов [9, с. 56].

Наработанные практики межсекторного партнерства позволили реально взаимодействовать региональным администрациям с общественными палатами и общественно-консультативными советами при министерствах социального блока по принятию и воплощению в жизнь ряда важных социально-политических решений, связанных с выбором приоритетов социального развития с учетом общественных потребностей населения и возможностей бюджета субъектов. На федеральном уровне был принят ряд нормативных правовых актов, которые предполагали дальнейшее развитие межсекторного взаимодействия. Так, было принято Постановление Совета Федерации ФС РФ от 23 марта 2016 г. № 111-СФ «Об актуальных вопросах, связанных с правовым положением и деятельностью НКО в РФ», в котором рекомендовалось внесение в Госдуму ФС РФ ряда проектов федеральных законов, предусматривающих: введение понятия «социально значимые услуги» и наделение НКО статусом исполнителя социально значимых (общественно полезных) услуг, включая порядок формирования перечня социально значимых услуг, механизм определения организаций, предоставляющих такие услуги, и мер их поддержки со стороны государства; проведение мониторинга условий оказания социальных услуг НКО в целях повышения эффективности их деятельности и устранения административных барьеров; проведение мониторинга оказания органами государственной власти и органами местного самоуправления поддержки СО НКО в субъектах РФ; осуществление анализа практики взаимодействия Министерства юстиции РФ, его территориальных органов с иными федеральными органами исполнительной власти, их территориальными органами в части обмена информацией в сфере регистрации НКО и контроля за их деятельностью; проведение анализа практики реализации законодательства РФ, регулирующего вопросы регистрации НКО, в части необходимости подтверждения права пользования объектом недвижимости, в котором размещается НКО; проведение мониторинга программ, реализуемых структурными подразделениями международных организаций и иностранных некоммерческих неправительственных организаций в РФ.

Помимо этого мы наблюдаем интенсивное формирование еще одного мощного явления из среды гражданского общества – социального предпринимательства. Что такое социальное предпринимательство? Это коммерческая организация, созданная в социальных целях (для смягчения / сокращения масштабов социальных проблем или провалов рынка) и для создания общественного блага. При этом для такого предприятия характерны финансовая дисциплина, инновационная активность и решительность частной рыночной компании.

Социальные предприятия используют предпринимательский и рыночный подходы, инновации для создания общественного блага и стимулирования социальной эволюции. Многообразные факторы – от провалов рыночного характера до финансовых кризисов, от уровня безработицы до негативных эффектов глобализации – выступают в роли «драйверов» социального предпринимательства. По данным последних исследований, сегодня в США социальные предприниматели обеспечивают рабочими местами свыше 10 млн человек, их доход составляет около 500 млрд., а вклад в ВВП – примерно 3,5 %. Причём бурный рост и расцвет социального предпринимательства пришелся на «нулевые» годы XXI столетия, поскольку 60 % существующих предприятий были зарегистрированы после 2006 г. В России эта тенденция только набирает свои обороты, Начала складываться инфраструктура поддержки малого и среднего бизнеса и СОНКО, которая на сегодняшний день уже подготовлена для дальнейшего прогрессивного развития социальных изменений. Правовые рамки заданы профильной Программой Минэкономразвития РФ, в соответствии с постановлением Правительства РФ от 29 декабря 2014 г. № 1605 «О предоставлении и распределении субсидий из федерального бюджета бюджетам субъектов РФ на государственную поддержку малого и среднего предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства». В 2012 г. на федеральном уровне был впервые

организован конкурсный отбор региональных программ по развитию социального предпринимательства (см. Приказ Минэкономразвития РФ № 223 от 23.04.2012 г.). В рамках этого конкурса субъектам РФ предлагалось отобрать проекты по созданию и поддержке СП, которые обеспечивали бы занятость для следующих категорий населения: инвалиды, матери, имеющих детей в возрасте до трёх лет, выпускники детдомов, лица, освобождённые из мест лишения свободы, лица, находящиеся в трудной жизненной ситуации. Обязательное условие участия в конкурсе: средне- списочная численность указанных категорий граждан составляет не менее 50 % среди состава работников СП, а их доля в фонде оплаты труда не менее 25 %. Если в 2012–2013 гг. на одно СП выделялась сумма в размере 0.6 млн руб., то с 2014 г. размер субсидии был установлен в 1 млн руб.

Идеология социального партнерства может и призвана обеспечить формирование цивилизованных отношений между субъектами гражданского общества, основанных на справедливости, ответственности, соучастии, развитии демократических свобод. Реализация принципа социальной справедливости должна постепенно формировать ту модель развития, где его главным источником должен стать креативный класс. Особенно наглядно это видно на примере скандинавских стран, где превращение социальной справедливости в стимул инновационного развития уже реально имеет определенные теоретические и практические решения, т.е. модель социально-ориентированного развития. Институт гражданского общества всё больше должен брать на себя объём деятельности по оказанию социальных, гуманитарных, экологических и т.п. услуг. Гражданское общество постепенно начинает ограничивать и контролировать государственную бюрократию и снимать «провалы» рынка. Постепенно оно будет выходить на формат формирования тех «правил игры», которые работают на интересы общества, на публичные ценности при помощи не только демократического государства, но и «низовой демократии», самоуправления, сетевого горизонтального диалога. Чем выше степень социализации государства, чем активнее его социально-регулирующая деятельность, тем меньше число государственных чиновников и расходы на их содержание, а также ниже уровень коррупции.

Данные исследования природы и направленности гражданского активизма в современном российском обществе, полученные Институтом социологии РАН за последние два года², убедительно показали, что нарастает модальность более активного отношения к социальным основам своей жизни у молодого и более образованного, обеспеченного сегмента российского общества, у жителей крупных мегаполисов и областных городов. Очевидна демократическая направленность социальных ожиданий этих групп и социально-ориентированный подход к формированию социального порядка. Ключевым аспектом современной демократической «повестки дня» для них становится проблема структурирования гражданского общества таким образом, чтобы оно могло влиять на государство, на равных взаимодействовать с ним. Создание подлинно демократического порядка не может быть лишь результатом «живого творчества масс», а предполагает разнообразные формы общественно-государственного партнерства. Перспективными направлениями такого партнерства в глазах населения сегодня являются здравоохранение, образование, активная старость, адаптация социально уязвимых групп населения и др., т.е. практически вся социальная сфера жизни общества. Использование потенциала межсекторного партнерства не позволит, чтобы общественно-государственные ресурсы использовались для обогащения частных лиц или компенсации их потерь от неудачной игры на рынке.

В России всё больше растёт понимание, что полноценная социальная политика возможна тогда, когда государство совместно с другими субъектами гражданского

---

² Исследование, проведенное группой В.В. Петухова, «Гражданский активизм: новые субъекты общественно-политического действия» (грант ИСЭПИ) – массовый опрос населения РФ (март 2014 г.). Объем выборочной совокупности исследования составил 1600 респондентов и репрезентирует взрослое (от 18 лет и старше) население РФ по параметрам пола, возраста, образования и типа населенного пункта проживания).

общества вырабатывает стратегию и приоритеты социальной политики и организует их практическое воплощение совместными усилиями. Источником справедливого и прогрессивного социально-экономического развития является человеческий капитал, а значит суммарные знания, культура, здоровье, профессионализм, возможности самореализации личности. Опираясь на механизмы межсекторного партнерства и широкого диалога со всеми заинтересованными сторонами гражданского общества, государство в непростых условиях поиска ресурсов и стратегий выхода из кризиса сможет обеспечить в полном объеме конституционно закрепленные функции социального государства.

Список литературы

1. Растерянный человек между отчаянием и надеждой: мировая ситуация и российская специфика : I Пленарная дискуссия МЭФ. – Режим доступа: <http://me-forum.ru/media/news/6832/>, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата доступа: 01.04.2017).
2. Конвенции и соглашения. Повестка дня на XXI век. – Режим доступа: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21, свободный. – Заглавие с экрана. – Яз. рус. (Дата доступа: 21.07.2017).
3. Бузгалин А. В. Альтернативы есть: «Экономика для человека» – 2017 (Цели и средства стратегии опережающего развития. Политэкономический взгляд) / А. В. Бузгалин, А. И. Калганов. – Москва, 2017. – С. 3.
4. Никовская Л. И. Институциональное развитие межсекторного партнерства в России / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Политические исследования. – 2016. – № 5. – С. 37–49.
5. Никовская Л. И. О формировании и отстаивании общественных интересов в России: от «административной» к партнерской модели / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Политические исследования. – 2015. – № 5. – С. 49–63.
6. Маскин Э. С. Конструирование экономических механизмов: как реализовать социальные цели / Эрик С. Маскин. – Москва : Высшая школа экономики, 2009. – С. 6.
7. Moor M. Creating Public Value: Strategic Management in Government / Mark H. Moore. – Cambridge, MA : Harvard University Press, 1995. – P. 26.
8. Alford J. Making Sense of Public Value: Concepts, Critiques and Emergent Meanings / J. Alford, J. O'Flinn // International Journal of Public Administration. – 2009. – Vol. 32. – P. 171–191.
9. Никовская Л. И. О формировании и отстаивании общественных интересов в России: от «административной» к партнерской модели / Л. И. Никовская, В. Н. Якимец // Политические исследования. – 2015. – № 5. – С. 49–63.

References

1. *Rasteryannyy chelovek mezhdru otchayaniem i nadezhday: mirovaya situatsiya i rossiyskaya spetsifika: I Plenarnaya diskussiya MEF* [A confused person between despair and hope: the world situation and the Russian specifics: I Plenary discussion of the IEF]. Available at: <http://me-forum.ru/media/news/6832/>.
2. *Konventsii i soglasheniya. Povestka dnya na XXI vek* [Conventions and agreements. Agenda for the XXI century]. Available at: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/agenda21.
3. Buzgalin A. V., Kalganov A. I. *Alternativy est: "Ekonomika dlya cheloveka" – 2017 (Tseli i sredstva strategii operezhayushchego razvitiya. Politekonomicheskiy vzglyad)* [Buzgalin AV Alternatives are: "Economy for man" – 2017 (Objectives and means of the strategy of advanced development, political economy view)]. Moscow, 2017, p. 3.
4. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. *Institutsionalnoe razvitie mezhsektornogo partnerstva v Rossii* [Institutional Development of Intersectoral Partnership in Russia]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], 2016, no. 5, pp. 37–49.
5. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. *O formirovani i otstaivani obshchestvennykh interesov v Rossii: ot "administrativnoy" k partnerskoy modeli* [On the formation and upholding of public interests in Russia: from the "administrative" to the partner model]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], 2015, no. 5, pp. 49–63.
6. Maskin E. S. *Konstruirovani ekonomicheskikh mekhanizmov: kak realizovat sotsialnye tseli* [Construction of economic mechanisms: how to realize social goals]. Moscow, Higher School of Economics Publ., 2009, p. 6.
7. Moor M. *Creating Public Value: Strategic Management in Government*. Cambridge, MA, Harvard University Press, 1995, p. 26.

8. Alford J., O'Flinn J. Making Sense of Public Value: Concepts, Critiques and Emergent Meanings. *International Journal of Public Administration*, 2009, vol. 32, pp. 171–191.

9. Nikovskaya L. I., Yakimets V. N. O formirovani i otstaivani obshchestvennykh interesov v Rossii: ot "administrativnoy" k partnerskoy modeli [On the formation and upholding of public interests in Russia: from the "administrative" to the partner model]. *Politicheskie issledovaniya* [Political Studies], 2015, no. 5, pp. 49–63.

ПРОБЛЕМА УСТОЙЧИВОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Кочетков Александр Павлович, доктор философских наук, профессор
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
Российская Федерация, 119991, г. Москва, ГСП-1, Ломоносовский пр-т, 27, к. 4
E-mail: apkoch@mail.ru

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что хотя сегодня политическая система России она имеет определенную устойчивость, без внесения ряда корректив в государственную политику степень ее устойчивости в ближайшей перспективе значительно уменьшится и подойдет к опасной черте дестабилизации российского общества. Мы предлагаем ряд мер, направленных на укрепление устойчивости современной российской политической системы.

Ключевые слова: политическая система, устойчивость, власть, элиты, баланс, гражданское общество, политическая поддержка.

ON THE STABILITY OF THE POLITICAL SYSTEM OF MODERN RUSSIA

Kochetkov Alexander P., D.Sc. (Philosophy), Professor
Lomonosov Moscow State University
build. 4, 27, Lomonosovskiy Ave., Leninskiye Gory, Moscow, 119991,
Russian Federation
E-mail: apkoch@mail.ru m.t. 8-903-234-83-12

The analysis allows coming to the conclusion that although today Russia's political system has a certain resistance, without making some changes in public policy the degree of its stability in the near term would be significantly reduced and will approach dangerous levels of destabilization of Russian society. The author proposes a number of measures aimed at strengthening the stability of modern Russian political system.

Keywords: political system, stability, power, elite, balance, civil society, political support

Проблема устойчивости политических систем – одна из важнейших в политической науке, так как политическая система постоянно является объектом для политического анализа, подвергается всестороннему воздействию разнообразных факторов, которые прямо или косвенно отражаются на её устойчивости.

Понятие политическая система включает комплекс государственных и негосударственных институтов, осуществляющих деятельность, связанную с функционированием государственной власти. В политической науке существуют различные концептуальные подходы к проблеме устойчивости политических систем. Кратко рассмотрим некоторых из них.

По мнению американского политолога Эндрю Хейвуда, «государство должно иметь возможность поддерживать свое собственное существование и вместе с тем функционирование той или иной политической системы внутри себя. Здесь поэтому, в первую очередь, следует говорить о том, сколь прочна данная политическая система, сколь сильны её исторические корни, от всего этого зависит способность государства сдерживать или разрешать возникающие в обществе конфликты» [1].

Д. Истон отождествляет устойчивость политической системы с качеством функционирования конкретной политической системы, которая обеспечивает достаточную поддержку режима и власти со стороны общества, т.е. её политическую поддержку [2].